

Константин Фрес

Опасные чувства

<https://litres.ru/74203787>

Аннотация

Она простая уборщица, незаметная девушка в сером комбинезоне в команде звезды - Криса Брауна. Он ее мечта, ее любовь, ее Бог. Красивый и недоступный. Она влюблена в него давно, он улыбается ей с фотографий и постеров, но у нее нет ни единого шанса стать ближе к нему. Но однажды все меняется. По стечению обстоятельств ей приходится заменить его партнершу по съемкам, и мир богатых и успешных стремительно раскрывается перед нею. А ее любовь, ее звезда, обаятельный красавец, оказывается, не так прост и вовсе не так прекрасен, как ей казалось. За внешней приветливой привлекательностью скрывается много темных страшных тайн, и его опасная, мощная, неукротимая звериная натура. «Он сломает тебя... Ты не выдержишь!» #БДСМ #страсть #любовь Обложка от великолепной Сола Рейн! Арты - Александра Дворжецкая

Содержание

Глава 1. Сбитый летчик	4
Глава 2. Темная страсть	15
Глава 3. Золушка без туфельки	38
Глава 4. Неприятная тайна № 1	56
Глава 5. Золотая сессия	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава 1. Сбитый летчик

Свет и мрак смешиваются и одинаково слепят, одежда - чужая, запредельно дорогая и терпко пахнувшая отчего-то коллекционными духами, - ласковым атласом льнет к телу и немилосердно сжимает бока. Слишком жесткий корсет из плотной черной кожи, выложенный изнутри жесткой мозаикой пластинок из китового уса, не дает вздохнуть, стискивает тонкую талию девушки почти до боли, так, что кожей можно ощутить каждую металлическую заклепку, впивающуюся в нежное тело. Юбка стискивает бедра, ее приходится задрать почти до самых трусиков, чтобы можно было хоть немного расставить уставшие, дрожащие ноги. Туфли на высоком каблуке выгибают стопу, отчего пальцы сводит самая настоящая судорога, и тогда с ярко накрашенных губ срывается стон. Готика прекрасна и безжалостна; это красота, несущая боль, она душит и уничтожает так же, как сильная мужская ладонь, лежащая на дрожащем, задыхающемся горле девушки. Это ласка и жестокость одновременно, страх и страсть. Эти руки знают, как причинять сладкую боль и дарить ласку. Они умеют карать и давать наслаждение...

- Ты прекрасна!..

Жесткий кожаный ошейник, больно впивающийся, мешающий глотать, сменяет тепло живой руки. Теперь пальцы

мужчины завладевают волосами девушки, играют, ласкают, медленно и коварно наматывая косу на ладонь. Девушка знает - еще миг, и ее тело, подчиняясь этой руке, выгнется, горло - беззащитное, белоснежное, перечеркнутое черной полосой ошейника, означающего подчинение, - подставится под вкрадчивое прикосновение губ, такое желанное, такое мягкое и страстное, что боль уйдет на второй план, а разум затопит всепоглощающий экстаз. Боль и мечта перемешиваются воедино, слезы готовы сорваться с ее ресниц, но она боится все испортить плачем и усилием воли сосредотачивается на происходящем.

- То, что надо!..

Руки в ее волосах становятся жесткими, мужчина встряхивает ее так, что она вскрикивает, безвольной длинноногой куклой в дорогих одеждах обмякнув в его руках, его касания становятся плотнее, жаднее. Это почти страсть; ее длинные ноги дрожат, одна его рука лежит по-хозяйски на ее колене, вторая - обхватывает за плечи почти грубо, жестоко, опасно, и она снова тает, чувствуя себя одновременно жертвой и возносясь к небесам от наслаждения, которое ей дарят его прикосновения, заглушающие боль.

Ей хочется кричать, сердце в груди едва не выпрыгивает от духоты, но она молчит, пока его губы касаются ее разгоряченной кожи все ниже и ниже, пока не достигают мягкой груди. Она замирает, трепеща, и слышит чуть уловимый вздох. Мужчина жаждет ее; его объятья - почти секс. Он вкрадчиво

скользит ладонями по ее талии, словно питон, обвивающий смертельными кольцами свою жертву. Он целует, жадно целует ее во впадинку меж грудями, сверкающими в слепящем свете как серебро, прихватывает нежную кожу губами так чувствительно, что девушка ощущает острое желание, спазмы, рождающиеся в животе. Трусики ее стремительно намокают. Ее мечта, ее кумир, смысл всей ее жизни касается ее! Целует ее! Склоняется над нею и дышит одним с нею дыханием! Удобнее устраивает ее у себя на коленях и поглаживает ее ноги, обнимает и заглядывает в ее лицо так, что у нее душа замирает, и она ощущает себя счастливой, хотя все ее тело вопит от боли, закованное в тесную узкую одежду, которая словно создана для того, чтобы причинять страдания.

- Да! Я хочу видеть твои чувства! Ты - игрушка, ты - рабыня, ты - обречена и почти мертва! Дай мне твой страх! Твой ужас и борьбу перед смертью!

Плотная вуаль на лице - почти повязка, из-за которой ничего не видно, только белые пятна света над головой, - давит на виски. Эта вынужденная слепота порождает страх и неуверенность, которые тотчас выписываются на лице, запечатлеваются в очертаниях губ, в трепете ноздрей и в частом дыхании, которое уже не удастся контролировать. Девушка напугана, ужас придает ей сил, и она осмеливается сопротивляться ласкающим и одновременно удушающим ее рукам. Движение выходит отчаянным, резким, ломаным, но мужчина подавляет его, справляется с ее бунтом и чувствительно

прикусывает кожу на ее плече белоснежными зубами, словно хочет пустить ее кровь. Его ладони снова скользят по шелку ее чуть влажной кожи, словно вырисовывая в темноте ее силуэт, все округлости ее тела, и страх девушки сменяется почти эйфорией, влюбленностью, которая сбылась.

Это почти признание; девушка закрывает глаза, млея, считая мгновения, сквозь одежду ощущая тепло пальцев, сжимающих ее грудь и словно невзначай отыскивающих ее сосок под жестким швом корсета. Это почти интимная ласка, но ослепляющий свет напоминает ей, что это неправда, что это обман, всего лишь игра, и на глаза ее наворачиваются слезы. Наверное, они слишком ярко блестят под плотным кружевом вуали, и рот изгибается плаксиво, потому что крик - резкий и сердитый, - следует тут же, стоило ей только нахмуриться.

- Не смей плакать! Мне не нужны твои слезы, я не разрешаю тебе рыдать!

Рывок за ошейник; ей приходится откинуть голову и крепче закрыть глаза, чтобы ни одна слезинка не посмела испортить макияжа, не потревожила искусственной эстетики.

И она послушно проглатывает рыдания, дрожа всем телом и считая кожей вожаделенные поцелуи, обжигающие ее, как капли раскаленного металла. Раз, два, три... страстно - в губы, остро и хищно - в шею, жадно - в грудь, неспешно, оставляя на белоснежной коже ярко-алые пятна помады, которой теперь испачканы его губы, и заставляя девушку вздрагивать в его руках.

- Отлично! Снято! Крис - как всегда на высоте! Тори, или как там тебя... ты умница. Ты правда справилась. Ты хорошо все сделала, девочка. Я твой должник.

Тори судорожно вздыхает, медленно приходя в себя. Сры- вает удушающий ее ошейник и проглатывает, наконец, слезы испуга. Наваждение, страх, пульсация агрессивной музыки, подстегивающей и заставляющей тело напрягаться - все прошло. Все стихло. И вместо наркотического безумия - всего лишь съемочная площадка, над головой свет осветительных приборов.

Мужчина, обнимающий ее за талию, тот мужчина, на ко- леньях которого она сидит с задранной юбкой, расставив но- ги неуклюже, но так, как надо было режиссеру, с секунду молча смотрит на нее, в его темных глазах искрится смех. Он неспешно оттирает губы салфеткой, убирает испачкав- шую его помаду.

Для него это привычная работа; он почти не обращает внимания на нестерпимый свет софитов, которые не только спят, но и нагревают помещение до температуры ада. Он, не смущаясь, касается ее мокрой кожи - и теперь, когда все кончилось, тоже. И, в отличие от Тори, он точно знает, что сделал все правильно, и ему не стыдно - в отличие от нее, принявшей его ласки за чистую монету.

- Простите, - шепчет девушка, неуклюже сползая с его колен. Нервы ее на пределе. Вот теперь она хочет зары- дать еще сильнее. Крис поддерживает ее под локоть, помо-

гает встать на неустойчивые высокие тонкие каблукки, но это лишь жест вежливости. Едва она встала, как мужчина, не обращая на нее внимания, мягким быстрым движением поднялся из кресла и поспешно, словно стараясь как можно скорее покинуть съемочную площадку, направился в сторону своей гримерной.

Своей партнерше по съемкам он не сказал ни слова; ни одобрения, ни благодарности, хотя режиссер, пару часов назад ползающий у нее, растерянной и испуганной, в ногах и упрасивающий надеть на себя пыточную сбрую, этот чертов корсет, уверял, что она спасет всех от гибели. И Криса тоже, потому что Крис поручился за партнершу, которая должна была сниматься - и не смогла. Не вышла. Впрочем, и ей Крис не скажет ни слова. Промолчит; отсидится в своем темном углу, перегорит, чтобы завтра снова выйти к поклонникам с лучезарной улыбкой.

Сейчас на красивом лице Криса застыла неживая, ненастоящая вежливая улыбка, но Крис умеет скрывать свои эмоции, играть лицом. Тори, вся трясаясь от пережитого стресса, готова поспорить, что Крис зол. Словно наяву она видит, как он запирает за собой двери в гримерку и со злостью крушит все на гримировальном столе. И флакон с духами - тоже. Поэтому густой запах витает в небольшом помещении, от него кружится голова. Тори - это совсем не та женщина, которую он хотел бы держать в руках сегодня.

- Простите, - снова шепчет Тори. Она остается одна, суета

вокруг обходит ее стороной, и девушка просто не знает, куда себя деть, куда идти. Чьи-то заботливые руки накидывают на ее плечи покрывало, защищающее ее от нещадного света софитов, и увлекают вслед за режиссером.

- Все отлично, все хорошо! - воркует кто-то рядом. Потрясенная Тори видит рядом с собой костюмера. Тот не такой хороший притворщик, как Крис. Он тоже на грани взрыва, но, в отличие от Криса, он не злится на нее. Напротив - ее он поглаживает по плечу, призывая успокоиться.

- Пойдем, снимем все это, - воркует он. - Где там твои штанишки? Сейчас, сейчас...

В кабинете режиссера духами пахнет удушающе, и еще сильнее - алкоголем. В углу, поспешно сметенные, лежат осколки расколовшегося флакона, на столе - отполовиненная бутылка виски, неряшливые пятна на бумагах, на столешне.

Сбросив чудовищные туфли, шевеля примятыми натруженными пальчиками, Тори едва не воеет от облегчения и счастья и ныряет за ширму. Ее серенькая, потертая униформа висит там, на вешалке, и Тори безвольно позволяет костюмеру распустить на ее спине молнию на корсете, после чего вздыхает свободно, полной грудью и ощущает себя почти на седьмом небе от счастья.

- Испорчено, - гневно выдыхает костюмер, стащив, наконец, с Тори дизайнерскую вещь. - Посмотри, что стало!.. Посмотри, посмотри! Ты залила его духами, пьяная корова, и все растянулось! Это теперь можно натянуть на пугало и вы-

ставить на кукурузном поле!

Он с ненавистью запускает жестким куском кожи на диван, прикрытый какой-то бесформенной кучей меха, и тот внезапно зашевелился, распространяя еще более сильный запах алкоголя и духов. Из-под роскошной меховой накидки, надетой совсем не по погоде, появилась взлохмаченная голова женщины. Ее лицо было мертвенно-бледно, одутловато, глаза - мутны и бессмысленны.

- Это всего лишь тряпка, - рывкнула женщина, спихивая с себя испорченный корсет. С усилием она поднялась, кое-как уселась, отирая ладонью мокрые губы, и режиссер, усталое потирая виски, опустил за свой стол, рассматривая пролитый алкоголь. Наверное, тут разыгралась целая драма, когда модель не смогла втиснуться в узкий корсет и попыталась растянуть его, смягчив кожу алкоголем, залив ее духами и виски. Но и этот трюк у нее не вышел.

- Олив, Олив, - протянул он, рассматривая пошатывающуюся женщину, ее растрепанные тонкие светлые волосы, больше похожие на нечесаную паклю. - Оливия Риверхорс... Какое было имя, какой талант, какое блестящее прошлое - и какое дно теперь. М-да... Ты понимаешь, что это был твой последний шанс вернуться? Твой последний шанс напомнить о себе всему миру, и ты его просрала, - голос режиссера загрохотал, - тупая ты алкоголичка! Посмотри, на кого ты похожа! Посмотри!..

- Мне надо было расслабиться после перелета, - пробуб-

нила женщина злобно, с ненавистью таращась на него. - Кто тебя заставлял снимать сегодня?

- Деньги, - выдохнул режиссер с такой силой, что, казалось, нетрезвая женщина покачнулась от силы сказанных им слов. - Ты разве не поняла, тупая ты пьяная срань - ты больше никто?! Тебя никто не будет ждать, ради тебя никто не станет откладывать съемку, и Крис Браун - это слишком жирный кусок, который тебе кинули в кружку нищего из огромного великодушия! Он сделал тебе одолжение, Олив! В память о бывшей дружбе! Он согласился сниматься с твоей проспиртованной жирной тушей, чтоб ты могла отложить себе хоть грош на старость, которая настигнет тебя уже через пять лет, Олив! И что, где твоя благодарность?! Ты же обещала, что будешь в форме?! Ты клялась, что отработаешь по высшему разряду! Толстая ты корова! Наступает день съемок, и что же!? На тебя не налезает ни одна вещь, и ты не в состоянии просто стоять на ногах! А сама ты так ничтожна, - казалось, режиссер готов был плюнуть в одутловатое лицо женщины, - что тебя можно заменить первой попавшейся смазливой девицей, черт тебя подери! Тори, или как там тебя! Иди сюда!

- В Калифорнии я буду в норме, - бормочет Оливия, но режиссер брезгливо отмахивается от нее.

- Не будет никакой Калифорнии для тебя, Олив, - сухо отвечает он, прикуривая. - Рекламу мы сегодня отсняли, и вышло отлично. Отлично, Олив. А в Калифорнии мы найдем,

кого позвать вместо тебя. Найдем.

Тори несмело выползает из-за ширмы.

В ее длинных каштановых волосах, свитых в косу, все еще поблескивают серебряные частички фольги, приклеившиеся на лак, на хорошеньком личике словно застыла неживая, но яркая и прекрасная маска - сценический макияж девушка так и не оттерла.

- Наша уборщица, - с издевкой произнес режиссер, чуть кивнув на Тори. Одним росчерком он поставил роспись в чек-овой книжке, нервно вырвал страницу и протянул девушке. - Уборщица лучше тебя, Олив. Держи, девочка, ты это заслужила. Я реально тебе благодарен. Здесь тысяча. Будь в моих силах, я дал бы и миллион.

Тори несмело шагнула к столу, дрожащей рукой взяла чек. Тысяча! За пару часов работы! Определенно, тесный корсет того стоил... как и объятья Криса.

Она вспомнила его ладонь, бережно касающуюся чувствительной кожи на внутренней стороне ее бедра, словно невзначай, и Тори кидает в жар. На плече огнем и негой загорается место, куда Крис куснул ее - она слышала его вздох, его негромкий звериный рык, его нетерпение, свидетельствующее о страсти... Игра или на миг, но настоящее желание овладело им? Как хотелось бы, чтобы это было правдой!

Тори было двадцать шесть, она работала подсобным рабочим на съемочной площадке, и она была влюблена в Кри-

са Брауна.

Для Тори он был Богом, высокий красавец-актер с тонким профилем и пронзительным взглядом темных глаз. Стремительно взошедшая звезда, покорившая весь мир шоу-бизнеса обаятельной улыбкой. Красавчик, окутанный тайной. Интернет пестрил его фотографиями - со съемок, с отдыха, - но личная жизнь Криса была окутана тайной. Не было информации ни об увлечениях, ни о друзьях. Ни о чем - только яркая вывеска, витрина, за которой была тайна, покрытая мраком.

Умом Тори понимала, что ведет себя глупо, что влюбляться в красивую обертку - это все равно, что пылать страстью к призраку; понимала, что после полученного образования работать уборщицей - это просто дно, но... эта работа позволяла ей находиться рядом с кумиром, и хоть раз в день, но видеть его настоящую улыбку.

Настоящего Криса.

Засыпая каждый вечер в своей крохотной съемной квартире, рассматривая сквозь ресницы постер с Крисом, прикрепленный на стену, она молилась непонятно кому, взывала к высшим силам, чтобы те дали ей шанс прикоснуться к нему, побыть рядом, совсем близко, и ее мечта вдруг сбылась. Так что отчасти Тори была благодарна Оливии, так кстати решившей напиться перед съемками.

Глава 2. Темная страсть

Крис ворвался в кабинет режиссера без стука, словно буря. На его красивом, дрожащем от злости лице застыло неприятное, брезгливое и яростное выражение. Испуганной Тори показалось даже, что мужчина стал выше ростом, заполнил собой все небольшое помещение, и она скользнула за ширму, прячась от его гнева. А Крису, кажется, раздражало все, он кипел от возмущения, и потому на нее - на Тори, - никакого внимания не обратил.

- Какого черта! - заорал он, яростно стискивая кулаки.

Даже сейчас, в гнев, Крис был хорош. Красив, как никогда. Несмотря на элегантный костюм, надетый на него, он был похож на варвара, на дикаря, готового к бою. Похоже, ворот дорогой сорочки он растерзал, оторвав к чертям пуговицы, и видна была его вздымающаяся грудь.

Тори, подглядывая в щелку, готова была поклясться, что эти чувства - живые, настоящие, неистовые, - глянцевые журналы заплатили бы больше, чем за гладкий гламурный образ. За горящий взгляд, за непроглядную черноту выразительных глаз, за напряженные плечи и перекачивающиеся на руках мускулы, за нервно сдернутый галстук, который он яростно накручивал на ладони, словно хотел использовать его как удавку...

Глядя, как его пальцы белеют, перетянутые дорогой шел-

ковой вещью, Тори внезапно испытала легкое возбуждение. То, как Крис притягивал ее к себе за этот чертов ошейник, его сбивчивое дыхание, его подрагивающие ноздри - словно он учуял запах крови... Он, вне всякого сомнения, профессионал, и желание причинить боль, выпить чужую жизнь он мог просто изображать. Но глядя на него сейчас, тайком, Тори готова была поклясться, что сидя у него на коленях, она ощущала ту же яростную животную силу, что сейчас исходила от исступленного, распаленного гневом мужчины. Она ощутила себя жертвой и испугалась на самом деле. Ей показалось, что он не может собой владеть и после чувствительного укуса последует еще что-то, пугающее, невероятное.

- Выйди! - рявкнул Крис, сверкнув глазами на режиссера. Тот, нервно сглотнув, поднялся с места, в раз превратившись в бледную тень самого себя. Он больше походил на нашкодившего школьника, чем на взрослого уверенного в себе человека. - Нам надо поговорить!

- Кристиан, - произнес режиссер жестким, отрезвляющим, как хлесткая пощечина, голосом, так не вяжущимся с его перепуганным жалким видом. - Давай без глупостей?!

- Вон, я сказал! - взревел Крис, комкая галстук и запустив им в дверь. - Доволен?! Вон!

Режиссер бочком, словно краб, выполз из-за своего стола, и рванул со всех ног прочь. Тори хотела было последовать за ним, но тут Крис, словно огромный тяжелый хищник, одним прыжком набросился на ухмыляющуюся пьяную Оливию.

Девушка пискнула и зажмурилась, холодея от ужаса, но Крис не нанес удара по омерзительному ухмыляющемуся пьяному лицу. Его ладони перехватили тонкие запястья женщины, мужчина словно пригвоздил всем своим весом к дивану, едва не рыча от ярости.

- Что ты творишь?! Что ты делаешь с собой и со своей жизнью?!

В тишине его голос звучал так, словно душат его.

- А что я делаю? - проворковала Оливия. Казалось, она ни на миг не испугалась его горячего порыва. Напротив - стоило ему коснуться ее рук, как все ее тело выгнулось ему навстречу, с губ сорвался стон, полный наслаждения, словно боль, которую он причинил ей, была вершиной блаженства. - Что такого я делаю, Крис? Мой верный Крис... ты все такой же неистовый жеребец, как и прежде...

Женщина, придавленная к дивану, томно извивалась, закинув лицо вверх, улыбаясь так, словно все ее существо балансировало на грани боли и удовольствия, и Тори, невольно наблюдающая эту сцену, вдруг подумала, что Оливия и сейчас невероятно красива. Ее нетрезвое лицо вдруг избавилось от неприятной расслабленности и вспыхнуло невероятным светом страсти, желания и покорности, от которого женщина преобразилась.

Но Крис почему-то не купился на ее красоту.

- Черт тебя подери! - рыкнул он, встряхнув ее крепко. В его голосе вдруг проскользнуло что-то беспомощное, почти

отчаянное. - Олив! Ты что, не можешь взять себя в руки?! От тебя требовалось всего лишь не пить хотя бы неделю! Хотя бы неделю! И у тебя были бы деньги; много. Этот проект действительно дорого стоит. Ты себе не представляешь, сколько! Ты обеспечила бы себе будущее! Я ведь действительно хотел тебе помочь! Я просил за тебя! А теперь контракт с тобой разорвут, - Крис расхохотался, оттолкнув от себя женщину, встав во весь рост и запустив пальцы в тщательно уложенные волосы. - А на всех постерах вместо тебя, Олив, будет красоваться... молоденькая уборщица! Черт подери! Я и уборщица! Большого унижения, наверное, и не придумать! Скажи, ответь мне честно - ты нарочно это устроила? Специально, чтобы вынудить меня работать черт знает с кем?!

Тори вздрогнула; слова Криса больно ранили ее. Черт знает с кем... Он выплюнул эти слова с таким презрением, в его голосе было столько пренебрежения и боли, что девушка чуть не разрыдалась в голос. Неужто для него она настолько пустое место, что с нею и появиться стыдно?! Но ярость Криса пугала ее больше, чем жгла собственная обида, и девушка зажала рот ладонями, чтоб ни звуком не выдать себя.

- А ты, Крис? - томно прошептала женщина. - Ты можешь остановиться хотя бы на неделю? Ты можешь отказаться от... своей темной сути... хотя бы на день, Крис?

- Это другое! - взревел мужчина, снова бросаясь к женщине - и снова отпрянув от нее, когда она выгнулась к нему навстречу, готовая принять его удар. - Не сравнивай! Это дру-

гое!

Но он не ударил, и Оливия, мерзко хихикая, торжествуя свою странную победу, небрежно закинула ногу на ногу, рассматривая распаленного мужчину.

- Это то же самое, Крис! - мстительно и злобно кривя в ухмылке губы, ответила Оливия, сверкая глазами. - То же самое! Это тоже порок, грязь, грех! Можешь ты отказаться от него хоть на день? Можешь стать другим, снова невинным и чистым, Крис? Нет? Так и меня не вини ни в чем.

- Все самое грязное во мне от тебя! - взревел Крис, снова впадая в ярость. - Это ты!.. Ты выпачкала меня в этом!

- Ну, ударь! - шептала Оливия. Она будто совсем не боялась его ярости. - Я вижу, как тебе хочется ударить! Ну же, милый, - проворковала она, удобно располагаясь на диване, - не сдерживай себя! Ударь! Я вижу - тебе до смерти хочется это сделать! А? Крис?!

- *Я не хочу тебя*, - рыкнул Крис, косясь на бесстыдно развалившуюся перед ним женщину. Почему-то ее растерзанный, неприбранный вид подействовал на него успокаивающе, и он остыл, мгновенно стихнув. - *Я не хочу тебя **ударить***, Олив. Прекрати этот балаган. Ты омерзительна. Ты правда дура, - он оглядел женщину с презрением, - если думаешь, что тебе все сойдет с рук за твои кривляния.

Олив вмиг напряглась, ее глаза потемнели, как твердые изумруды.

- Ты пойдешь в «Орхидею», да? - звонко выкрикнула она,

подскочив на месте и стыдливо запахивая разбухшее от алкоголя и обильной жирной жратвы тело в мех. - Пойдешь?! Искать женщину?!

- Да, - небрежно ответил Крис, оправляя растрепанные волосы. - Пойду. А ты все еще ревнуешь? Зря.

Тысяча - это чертовски много, если на эту сумму не рассчитываешь даже в смелых мечтах. Этого хватит и на оплату квартиры, и на еду, и на новое платье, которое Тори приглядывала.

Но тысяча - это чертовски, это ничтожно мало, если горячая, как ожог, как свежая рана обида велят собратсья и идти вслед за Крисом Брауном в порочнейшее и дорогое заведение.

Оливия выскочила вслед за ним, что-то вопя нетрезвым голосом, а Тори, буквально рухнув на пол, разрыдалась, размазывая слезы по разукрашенному лицу. Черт, как больно! Она, Тори, юная и красивая - так говорил режиссер, уговаривая ее надеть этот чертов тесный корсет, - в глазах Криса Брауна стоила меньше, чем спившаяся Оливия?! Он говорил о ней с таким пренебрежением, словно она была пылью под ногами, никем и ничем?!

- Да чтоб тебе провалиться!

Тори со злостью подопнула кресло, оставленное посередине съемочной площадки, то самое, на котором сидел он, удерживая в руках ее трепещущее тело. Нет серьезно?! Он

что там себе возомнил, что он кто - король, принц крови, кто!?

- Да я закончила университет, - шипела Тори зло, чувствуя, как слезы едва ли не испаряются с ее пылающих от стыда и ярости щек. - Я!..

Впрочем, она тут же понимала, что виновата сама. Вместо того, чтобы стать уважаемым человеком, профессионалом в своем деле, она сама выбрала этот путь - таскаться за своим кумиром в его команде, среди обслуживающего персонала.

Уборщицей.

Внезапно ей очень захотелось, чтоб он увидел ее иной - уверенной в себе девушкой, ровней ему, а не зашуганным чмом с метелкой. Красивой, стильной и ухоженной - а не Золушкой, наивно и бестолково ждущей своего принца. Черт, всего тысяча! Стирая с щек потекшую тушь, Тори со злостью размышляла, что на Крисе трусы стоят дороже, чем сумма, обозначенная в чеке, зажатом в ее руке. И все же, все же...

«Позаимствуем на этот бал тыкву у крестной-костюмера! - с яростным отчаянием подумала Тори, направляясь в святая святых съемочной студии. - Сегодня Крис Браун будет мой! Чего бы мне это не стоило»!

Найти Криса Брауна среди маскированных посетителей ночного клуба было задачей непростой, но только не для Тори. Она знала каждое его движение, каждый его жест, поворот головы. На входе всем давали маски, обязательную вещь - в «Орхидее» сегодня была ночь откровений, а в такие ночи

лица лучше прятать. Да и вообще, заведение имело весьма скандальную славу; знаменитости тайком посещали это место, чтобы скинуть гладкие респектабельные личины и выпустить на волю своих демонов. Вот и Крис тоже...

Тори надела предложенную ей раззолоченную венецианскую маску, небрежно кинула секьюрити сотню и прошла в веселящуюся толпу.

Даже если б Крис надел на голову маску слона, даже если б он сидел неподвижно, Тори узнала бы его. Но он ограничился простой черной полумаской. Его волосы, его нос, губы - все было открыто, - и Тори, обмирая от собственной нахальной смелости, приблизилась к нему.

Сразу стало ясно, что ни напитки, ни танцы, ни танцовщицы его не интересуют. Потягивая алкоголь, Крис ждал чего-то или чего-то - Тори увидела, как он несколько раз почти с раздражением глянул на часы. Назначил кому-то свидание?

Незаметный жест - Тори заметила, как бармен указал Крису на девушку с роскошной маске луны, - и Крис поднялся, бросив на стойку намного больше денег, чем полагалось бы отдать за бокал с алкоголем, и неспешно прошел в сторону, где так призывно маячила чаровница. Ну, вот и все.

Тори, глядя вслед удаляющемуся Крису, почувствовала, как сердце замирает в ее груди, и гаснут все надежды. Разодеться как дура, фактически украсть дизайнерские вещи, потратить полученную тысячу на новое белье, духи, туфли - и остаться не у дел!

«А кто сказал, что он вообще посмотрит на меня, - горько думала Тори, глядя вслед Крису. - Не понимаю, на что надеялась...»

Она машинально глотает сладкий коктейль, и отчаяние бьет ей в голову вместе с алкоголем. Крис почти скрылся, задержавшись у самого входа. Как зачарованная, Тори смотрит на его профиль, на его руку, придерживающую дверь за девушкой...

- Да черта с два!

Словно бес нашептал бессовестное на ухо девушке; Тори срывается с места, сердце ее гулко бьется. Ей кажется, что мир раскрашен в слишком яркие кислотные цвета и пол качается под ногами, но времени размышлять о том, было ли в ее бокал подмешано что-то запрещенное, нет. Вероятно, да, потому что Тори чувствует себя так, словно у нее вырастают крылья, и все сомнения растворяются.

«Пошло оно все! - думает она весело и совершенно безбашенно. - Пошло оно все... Хоть раз быть счастливой - разве я недостойна этого?!»

Она бежит туда, где задержавшийся Крис с кем-то беседует вполголоса, чуть склонившись над своим собеседником; Крис кажется Тори огромным, просто чудовищно огромным, его руки - неестественно-белые в клубном свете, - опасными и прекрасными. Ей хочется прижаться к его ладони губами, и она делает это - неожиданно для себя, оставляя на его коже яркий отпечаток помады.

В голове шумит, все плывет перед глазами, но она видит взгляд мужчины, которым ее одаривает Крис. Она улыбается, облизывая яркие губы гибким розовым языком, и снова целует его руку, которой он придерживает дверь. Все так же глядя ему в глаза, обводит языком его палец, затем второй.

Это Крису внезапно нравится; нравятся ее покорные поцелуи, нравится ее томная неторопливость, и что-то еще. Что-то в глубине ее глаз, сияющих в прорезях красивой маски. Обожание; страсть; и почти рабское выражение желания. Прошу. Прошу, возьми меня!

- Эту, - хрипло говорит он, наблюдая за ее действиями, за мягкими прикосновениями ее языка. - Я передумал. Хочу эту. Только эту!

Тонкая рука Тори тянется к мужчине и бесстыдно поглаживает его в паху, там, где брюки оттопыриваются вставшим членом. Пальцы ее нащупывают головку и чуть теребят ее, девушка ощущает, как мужчина вздрагивает и напрягается, едва сдерживая стон, но прекратить своей бесстыдной ласки она не может. Она гладит его медленно, снизу вверх, по вставшему члену, нащупывая его сквозь ткань, ощущая подушечками пальцев бешеную пульсацию крови и разливающийся по ней кайф.

Этого делать было нельзя; совсем нельзя. Его желание, такое скорое и откровенное - это выказанная слабость, которую Тори обнаружила слишком рано, и Крис перехватывает ее руку, грубо отстраняет, шумно дыша. Он по-прежнему

му смотрит в ее глаза, утопая в их выражении, в готовности незнакомой женщины здесь, при всех, без стыда и без сожалений принадлежать ему, в ее обожании, в ее бесстыдном неуголимом желании. Девушка чувствует его сомнения и спешит загладить свою вину. Она осторожно принимает в рот его пальцы, которыми он как бы невзначай касался ее лица, чуть посасывает их и позволяет им проникнуть в самое горлышко, чтобы ощутить его мягкие сокращения. Да, малыш, я возьму глубоко... Так, как ты хочешь.

«Господи, что я творю!?!» - мелькает в голове Тори, и она закрывает глаза, чтобы не видеть никого кругом.

Тори на глаза ее наворачиваются слезы; млея, она сжимает губы, пальцы мужчины ласкают ее рот бесстыдно, мягко, скользя по языку, так, что она ощущает - впервые в жизни! - просто огненное возбуждение, влагу в трусиках от самого факта, что Крис Браун рядом, оттого, что он при всех берет ее, ласкает, даря удовольствие, и между ними завязывается какая-то космическая связь. Теперь Тори почти физически ощущает его желание. Теперь она почти уверена, что он не оттолкнет и не уйдет. Он принадлежит ей, а она - ему.

- Я эту хочу! - бешено рычит Крис, дрожа, перебивая какие-то невнятные возражения собеседника. Он сгребает Тори в охапку и той кажется, что все это снится.

- Но это не наша девушка, - шипит кто-то сбоку испуганно. Тори косится на него, ее губы изгибаются насмешливо, почти издевательски. - Она не может...

Не может. Вот эти слова тоже неверные, неправильные. Тори, которой от близости Криса сорвало крышу, Тори, которая утонула в его запахе, в жаре его тела, в его крепких объятьях, Тори, чью задницу Крис сейчас тискает и сжимает так, словно член в его штанах сейчас взорвется, может все.

- Замолчи, - шипит она. Ее палец проводит по сжатым губам Криса, разглаживает атласную гладкость, Крис чуть приоткрывает рот, и пальчик Тори ныряет туда - в горячие губы, в откровенный поцелуй, в сексуальное желание. Она принуждает его облизать ее палец, сжать его языком и губами; на миг Тори ощущает себя - нет, не главное, но *главным блюдом*, которое он пробует. И это заводит обоих.

- Сами разберемся, - шепчет Крис, выпуская ее палец из губ. Его заметно трясет, но он сохраняет видимость спокойствия. - Пошел вон. Деньги оставь себе.

- Я научу тебя делать мне хорошо...

Голос мужчины холоден и спокоен, он обжигает ледяной мертвенностью, так, что по коже девушки от страха бегут мурашки, но она упрямо сцепляет зубы, опускает голову и лишь слегка шевелит пальцами, двигает кистями перехваченных наручниками рук, чтобы почувствовать хотя бы иллюзию свободы. Ей хочется кричать, но она заставляет себя молчать усилием воли, хотя ее шумное испуганное дыхание скрыть трудно.

Ладонь мужчины - тяжелая, горячая, - скользит вдоль ее прекрасной обнаженной спины, меж лопатками, вниз, по позвоночнику, наслаждаясь гладкостью кожи девушки, надежно зафиксированной. Между ее ног - штанга, сдвинуть колени не получится, и девушка сжимается, когда ладонь мужчины, неспешно обведя ее ягодицу, даря нереальное наслаждение, а затем скользнула между ее ног - невесомо, лишь касаясь самыми кончиками пальцев, но эти прикосновения - словно удар током, пронзают напряженные нервы, и девушка вздрагивает.

- Стоп-слово - яблоко, - вкрадчиво говорит он. Серебристый стрекот ножниц взрывается в мозгу, словно бомба, девушка ощущает холодные прикосновения металла, и последняя вещь, что была на ней надета - черные кружевные трусики, изрезанные теперь, - покидает ее подрагивающее тело. - Но, думаю, оно нам не понадобится?

Теперь она полностью обнажена, беззащитна, связана и обездвижена, полностью во власти мужчины, таящегося в темноте. Блики приглушенного света играют на ее обнаженной, часто вздымающейся груди, на ее плечах, и девушка сладко стонет, когда его ладонь ловит ее грудь и чуть сжимает пальцами сосок. Прикосновение тысячами игл покалывает ее нервы, мужчина ласкает ее - умело, слишком сладко, - наблюдая, как девушка от наслаждения забывается, запрокидывает лицо и дышит, шумно дышит, чуть раскрыв манящий влажный рот с подрагивающим языком...

Его ладонь, поглаживающая ее ягодицу, становится вдруг жесткой, девушка ощущает ее внезапное превращение из ласкающей и теплой в жестокую и безжалостную, и в следующий момент на ее ягодицу обрушивается хлесткий удар. Девушка вскрикивает, сжимается, пробует увернуться от следующего удара, но металл на ее теле заставляет ее остаться на месте, и хлесткий удар повторяется, заставляя ее жалобно скулить. Она беспомощна и раскрыта - об этом ей напоминают его пальцы, снова трогающие ее снизу, будто проверяющие, не намокла ли она. Кожа ее горит, слезы катятся по лицу, боль растекается страхом по нервам, по всему ее телу, пронизывает каждую клеточку, и следующее касание - невесомое, как дуновение ветра, - кажется ей волшебным светом звезд, проникающим сквозь кожу в ее мозг. Снова нежное, дарующее почти наркотическое наслаждение... Чередование страха, боли и удовольствия сводят ее с ума, голова ее кружится, словно она пьяна крепким алкоголем, и ей кажется, что она падает в бездну безумия все ниже и ниже...

- Стоп-слово? - вкрадчиво произносит мужчина в темноте, поглаживающий ее заалевшие от его шлепков ягодицы, тиская их, наслаждаясь податливостью ее тела и своей властью над нею. - Или продолжим? Это только твой выбор.

- Нет! - с вызовом отвечает девушка. Ее хриплый голос срывается, дрожит, и она вскрикивает, когда его пальцы снова касаются ее между ног, разглаживая бархатную кожу на припухших половых губках. - Мы продолжим!

- Отлично! - отвечает он. - Слушайся меня.

Желание Криса порочно и страшно. Это Тори поняла, оказавшись всецело в его власти, увидев его темные глаза, полные животного желания. Даже когда он поцеловал ее, вдыхая в ее тело страсть и свое желание, он не перестал быть таким пугающим. Он смотрел так пристально, словно своим взглядом пытался проникнуть в самую душу девушки, словно старался рассмотреть в ее глазах так понравившееся ему восторженное обожание.

Но сейчас это обожание тонуло, захлестываемое страхом. Поцелуй - чувственный, страстный, долгий до головокружения, - вдохнул немного жизни в исчезающее чувство, но стоило Крису отстраниться, как он снова увидел страх.

- Не бойся, - сказал он мягко, что так странно не вязалось с его хищной, опасной неторопливостью. - Ты можешь все остановить в любой момент.

Тори не ответила, покорно опустив голову, и рука Криса снова скользнула по ее ягодицам, обводя их округлости. Пальцы мужчины неспешно провели по раскрытой перед ним промежности, отчего девушка дрогнула и попыталась стыдливо сжать бедра. Но ей не удалось этого сделать; и она вскрикнула, когда пальцы Криса грубо толкнулись в ее сжавшееся лоно, глубоко и плотно прижались и погладили так, что вмиг живот девушки наполнился пульсирующим теплом, и она ахнула, прогибаясь в пояснице так, словно в ее животе была невероятная тяжесть. Теперь ей не хотелось

стыдливо сжимать ноги. Теперь ей напротив хотелось расставить их шире, но штанга плотно обхватывающие лодыжки кандалы не дали ей изменить положения ног. Даже чистое наслаждение было перемешано с пыткой, с невозможностью контролировать свое тело, его положение. И в этом тоже было что-то пугающее. Крис словно пытался завладеть ею всей, подчинить своей воле самое незначительное ее движение, и внимательно наблюдал из темноты за ее борьбой с самой собой.

Тори шумно дышала, постанывала, ощущая, как пальцы неспешно и очень мягко массируют ее изнутри, тянут вниз, наполняя ее тело жаром - слишком медленно, слишком мало! Девушка нетерпеливо завозилась, подалась назад, стараясь надеться на его пальцы полнее, но тут же получила обжигающий шлепок по ягодице, обрушившийся на нее словно кипяток. Крик вырвался из ее напряженного горла, девушка сжалась, ощущая, как в ее сжавшемся, ставшем невероятно узким лоне неумолимо движутся его пальцы.

- Ты кончишь только тогда, когда я тебе разрешу, - резко произнес Крис, осторожно поглаживая заалевшее пятно на ее коже - и резко, почти грубо впиваясь в ее бедра жесткими пальцами, раздвигая их шире и безжалостно погружая пальцы внутрь, вводя их в узкое лоно так умело и сладко, что Тори готова была выть. - Только тогда, когда я этого захочу.

Его ладонь снова хлестко опустилась на ее ягодицу, и девушка едва не зарычала от боли, обжегшей ей кипятком нер-

вы, заставившей ее снова сжаться и неимоверно остро, полно ощутить толкающиеся в ее лоне пальцы. Казалось, Крис поймал ее женское естество на кончики своих пальцев и теперь осторожно массирует, гладит, словно бутон цветка, помогая ему раскрыться.

Вторая его рука коснулась напряженного живота девушки, и Тори едва не зарыдала, ощутив безжалостное прикосновение к лобку, ниже, к губам, и, наконец, к пульсирующей жгучим желанием точке. Крис продолжил свои ласки, неспешно, очень неспешно и очень сладко, так, что Тори плавилась под его руками, трепеща, дрожа всем телом, поскуливая, изо всех сил стараясь удержать себя в том положении, в котором он велел ей оставаться.

- Пожалуйста, - проскулила Тори, извиваясь, припадая на локти, но Крис не ответил ей, продолжая неспешно и сладко терзать ее тело. - Пожалуйста!

- За неповиновение ты будешь наказана, - заметил Крис.

Острая боль снова окатывает ее кожу, ягодицы, чувствительные внутренние стороны бедер - все горит огнем, и Тори кричит и извивается, сходя с ума, и не понимая, отчего наслаждение не утихает в ее теле, а лишь острее колет каждым прикосновением. Она зажимается, страдая, стараясь вывернуться из-под беспощадных рук, ласкающих ее, и снова получает обжигающий удар, который раскаляет ее кожу докрасна.

- Стой смирно, покорно и проси.

Голос Криса спокоен, но в нем слышится жажда, словно гудящее пламя. Жажда власти. Жажда ее покорности. Жажда подарить ей наслаждение - которое она смиренно попросит. Жажда повелевать ее разумом.

И Тори, багровея от усилий, стоит смирно, хотя ее бедра дрожат, дрожь сотрясает все ее тело.

- Позволь мне кончить, - шепчет она, замирая, потому что на миг ей показалось - он убрал руку, и накатывающее наслаждение отступило.

- Ты хочешь этого? - спрашивает он вкрадчиво, и Тори на миг замирает.

Что с ней, господи? Что происходит?

Она боится Криса до судорог, до немоты, но какая-то часть ее, незнакомая ей самой, упрямо шепчет, что раз уж с нею все это произошло, то не получить удовольствия просто глупо. Глупо...

- Да, - шепчет Тори, облизывая губы, - я хочу этого... хочу...

На миг она видит перед собой его глаза в прорезях черной полумаски - внимательные, пугающие, - и он видит ее глаза, затуманенные пыткой, слезами, и... наполненные тем обожанием, что пленило его. Девушка, напуганная им, все же хотела его; она хотела его тела, его ласк, она принимала эту сторону его «я», и это подкупало. Это вскружило голову Крису так, что на миг его руки покинули ее истерзанное тело, его губы прижались к ее губам, и Тори услышала стон -

полный нечеловеческого наслаждения стон мужчины, переживающего *принятие* его.

- Кончай.

Его руки снова терзали ее, отчаянно, изошренно, катая чуткими пальцами чувствительную горошинку клитора и толкаясь в ее лоно так часто и так сильно, что Тори не вынесла - закричала, отчаянно зажимуриваясь, ощущая невероятный, огненный оргазм. Она извивалась и билась, не в силах освободиться, и спазмы заставляли ее тело вздрагивать от каждого прикосновения к ее телу.

Сейчас, когда безумие немного отступило, Тори стало нестерпимо стыдно. Стыдно от своей наготы стыдно за своей вызывающее поведение, которое привело ко всему этому, стыдно за свою беспомощность, за свои скованные руки и ноги, стыдно за свои слезы и крики, за свой оргазм, который мужчина наблюдал, за свою раскрытость перед Крисом. Ей захотелось опуститься, закрыться от мужчины, чтобы он не чувствовал ее запаха, не видел вязкой влаги, оросившей ее лоно. Но Крис не позволил ей этого сделать. Словно извиняясь за свою жестокость и благодаря за подаренное ему желание, он обхватил ее бедра ладонями и прижался лицом к ее лону, жадно вылизывая горячую ароматную плоть, упиваясь запахом ее наслаждения, лаская языком чувствительную кожу. Тори беспомощно взвизгнула, ощутив, как одна из его ладоней легла в самый низ ее живота, большой палец снова нашел чувствительный клитор. Мужчина чуть касался язы-

ком ее лона, дразнил его, поглаживая девушку пальцем до тех пор, пока по ее телу снова не пошли сладкие спазмы, и она присела, рыча от напряжения, дрожа, яростно стараясь освободиться.

Его жесткие пальцы впились в ее напряженные бедра, растягивая их шире, Крис прижался губами к мокрому лону содрогающейся в последних спазмах девушки, и Тори могла лишь стонать, ощущая его жадный горячий язык в себе.

- Я надену на тебя ошейник, - говорит Крис, и его голос отчего-то торжественен, - и ты будешь моей. Всецело моей.

Тори не в силах сопротивляться. Она может лишь покорно поднять голову, подставить горло под узкую полоску кожи и ощутить холод металла застежки под затылком. В кольцо на ошейнике продевается цепь; она опасно шелестит, терзая напряженные нервы, и Тори замирает, ощущая, как цепь натягивается, заставляя девушку подняться и максимально выгнуться, откинув голову назад. Дышать трудно, девушка замирает, ощущая как между ног ее касается что-то большое, плотное. Крис тянет за поводок, за эту чертову цепь, серебряной струной дрожащую в темноте, и Тори, зажмурив глаза, ощущает, как его член входит в нее, туго, тревожа узкий вход. Она дышит часто-часто, пытаясь расслабиться и впустить в себя мужчину, но выходит плохо. Тори ощущает каждую неровность, каждую вену на напрягшемся жестком члене и млеет от острых, непередаваемых ощущений.

Крис проникает в ее тело частыми толчками, с каждым разом все глубже, все полнее, пока, наконец, Тори не всхлипывает, ощутив его член в себе глубоко и полно. Ее ягодицы плотно прижаты к его бедрам, ее напряженное тело изогнуто, словно тугой лук, лицо запрокинуто вверх, и Крис, двигаясь осторожно притягивая ее к себе за поводок еще сильнее, склоняется и целует ее беспомощно раскрытые задыхающиеся губы. Он смотрит почти умоляюще; он знает, что он чудовище, кровожадный зверь, и от девушки, от случайной любовницы он хочет одного - принятия, искреннего принятия его темной натуры, его тайной стороны личности. Теперь не страха и не власти. Теперь они поменялись местами, и упрашивает он.

«Ты все еще хочешь меня, такого? Хочешь? Скажи!»

Он заглядывает в ее затуманенные мукой глаза и снова видит это - странное, на грани безумия, обожание и желание.

- Я хочу тебя, - шепчет Тори беззвучно, но он понимает ее, разбирает ее неслышные слова, касаясь ее губ своими.

Хлесткий жестокий удар обжигает ее гибкую спину, красной полосой перечеркивает белоснежную кожу, отчего девушка извивается как змея. Ее тело блестит гладкими боками и вздрагивает от сильных резких толчков, но Тори не кричит. Она закусывает губы и рычит, словно зверь, словно отражение темной сущности Криса, яростно берущего ее сзади, беспощадно и сильно. Его огромный член терзает ее, мучает до безумия, и Тори закрывает глаза снова, ощущая

приближение оргазма.

Крис склоняется над ней, нависает огромной скалой. Он обнажен и страшен в своем первобытном, почти животном желании, его тело напряжено и кажется высеченным из гранита. Не контролируя себя больше, он кусает ее в плечо, очень близко к шее, кусает сильно, так, что боль оглушает Тори. Девушка замирает, парализованная этой болью, схваченная, словно самка животного. Движения Криса становятся все резче и сильнее, Тори ощущает себя растерзанной, уничтоженной, растворенной в его ненасытном желании, и все же так невероятно, так полно принадлежащей ему, что все происходящее кажется само собой разумеющимся. Ее укушенное плечо расслабляется, и боль вдруг уходит, превращается в тепло, в горячую волну, стекающую вниз, по груди, цепляя острые соски, по животу, в лоно, и там обращаясь в невероятный оргазм.

Тори кричит; закинув голову назад, яростно двигаясь навстречу Крису, не слыша даже влажных шлепков тел друг о друга, она кричит от нереального наслаждения, и слышит у своей шеи шумное сбивчивое дыхание Криса. Ее руки свободны; и она обхватывает его за шею, притягивает к себе, впивается в его губы поцелуем, принуждает его заткнуть ее рот, заглушить ее крик.

- Я хочу тебя, - как безумная, шепчет она, хотя Крис берет ее неистово, на грани боли. - Я хочу тебя, хочу, хочу...

Немногим позже они отдыхали, она - дремля, свернувшись клубочком, он - бодрствуя.

Казалось, теперь, после страстного свидания, Крис весь обратился в слух, в обоняние. Он разглаживал тело девушки, принюхиваясь к тонкому поту, выступившему у нее на коже, к аромату ее желания, к сладковатому запаху ее возбужденных губ. Он целовал ее - нежно, трепетно, словно извиняясь за некрасивые следы, оставленные на ее теле, - и видения Тори, в которых он был неистовым и жестоким, растворялись в ее дремлющем разуме.

Глава 3. Золушка без туфельки

Насколько близкими могут быть обнаженные люди?

Ответ - бесконечно.

Тори сквозь полусон чувствовала теплые, заботливые прикосновения, нежные поцелуи, повторяющие алые полосы на ее коже, оставленные цепью, и ей казалось, что они с Крисом сливаются воедино снова, прорастают кожа к коже, кровь в кровь. После жестокой страсти наступило время неспешного, томного любования, бережного тепла, и это было тоже странно, после резких слов Криса о том, что она - никто... А кто ему случайная любовница, подцепленная в клубе? Он не знает ни имени ее, ни лица. Ничего; только одержимость в глазах. Одержимость им; одержимость, что сильнее боли. И за эту боль сейчас он платит поцелуями, оставляя дорожку влажных мягких прикосновений к исчерченной алыми полосами коже, целует ее бедро, колени, сжимает в ладони теплую маленькую ступню. Вдыхает быстро улетающий тонкий аромат ее наслаждения и возбуждения и целует иссеченную спину... Сейчас эта случайная знакомая - часть него самого, и он готов любить ее вечно.

Сплетая руки и ноги, растворяясь в ласках, они уснули перед самым рассветом, и Крис уютно уткнулся лицом меж ее грудей, сладко поцеловав острые от утренней прохлады соски.

Утром пробуждение было не из самых приятных.

Тори проснулась от громких голосов за дверями, от грубых окриков.

- Полиция, - произнес Крис за ее спиной, автоматически притягивая к себе теплое тело любовницы, словно пытаясь ее отгородить от мира, который безжалостно готов был забрать девушку у него. - Что-то случилось.

Тори вспомнила вчерашнюю эйфорию после бокала коктейля и поморщилась, ощутив, как на плече огнем горит укус Криса. До этого места дотронуться было страшно, и она готова была поклясться, что там багровой розой распускается огромный кровоподтек.

- Наверное, это из-за алкоголя, - шепчет она, поднимаясь, и Крис ловит ее, снова укладывает рядом и пристально заглядывает в прорези ее маски.

- А что не так с алкоголем? - спрашивает он, призывно поглаживая ее живот, обводя ладонью груди.

- Мне показалось, - шепчет Тори, краснея, чувствуя, как его ладонь по-хозяйски протискивается меж ее ног и поглаживает там, где снова влажно, где снова назревает горячее желание, - мне показалось, что в алкоголь что-то добавили...

Темные глаза Криса сужаются, превращаясь в узкие щелки, на губах его мелькает усмешка.

- Алкоголь тут чист, - посмеиваясь, произносит он, рассматривая рисунок вчерашней страсти на ее коже. - Это приличное заведение. Сюда ходят только солидные люди, и ес-

ли подмешать что-нибудь не то кому-нибудь не тому... ты раньше тут никогда не бывала?

Тори стыдливо закусывает губу. То безумие, что она спивала на легкие наркотики, которые ей якобы добавили в коктейль, на самом деле жило в ней самой и проявилось внезапно. Теперь ей было стыдно вдвойне за свое развязное бесстыдство, за свою откровенную страсть, которым не было никакого оправдания.

- Не была, - шепчет она стыдливо, и Крис снова приникает к ее обнаженной груди, с урчанием, словно сытый огромный хищник, целует ее, подминает под себя.

- Встретимся еще раз? - спрашивает он. Нет, даже не спрашивает - настаивает, раздвигая коленом ее бедра, готовый нетерпеливо взять ее еще раз. Но Тори не успевает ответить: в их дверь стучат бесцеремонно и грубо, и Крис напряженно оглядывается.

- Черт, - бормочет он. От девушки от поднимается с явной неохотой. - Что-то серьезное случилось. Поднимайся; нужно поскорее уйти отсюда, пока мы не нажили себе проблем. Тебя подвезти?

Тори, натягивая юбку, смолчала. Подвезти? Куда? В спальный район, к дому, не блещущему респектабельностью, проводить до крохотной квартирки? Чтобы снова увидеть в его глазах вежливое равнодушие, которым Крис обычно маскировал свое брезгливое отношение к ней? Крис ждал ответа, поглядывая на спешно одевающуюся девушку, но на ее

счастье в дверь снова постучали, отвлекли его, и вопрос так и остался без ответа.

Едва Тори успела накинуть блузку, как Крис налетел на нее, ухватил за руку. На нем на самом сорочка и пиджак были расстегнуты, туфли надеты на босу ногу.

- Скорее,- прорычал он. - Произошло убийство. Сейчас все здание оцепят и не выпустят никого! А нам ведь не нужны огласка и неприятности, так?

Тори испуганно охнула, и Крис, глянув на ее позолоченную маску, вдруг неожиданно привлек девушку к себе, к своей голой груди, сжал ее, жадно стиснул податливое тело и поцеловал так страстно и с такой жаждой, словно случайная знакомая, растрепанная, в наспех натянутой помятой одежде, действительно что-то значила в его жизни.

- Мне было хорошо с тобой, - хрипло произнес он, разглаживая пальцами ее пылающие щеки. - Очень хорошо...

Крис, вероятно, дал много денег служащему заведения, чтобы остаться незамеченным в этом скандале, и тот, улучшив момент, подал знак, что можно выходить. Прижимая туфли на высоком каблуке к груди, Тори неслась вслед за Крисом, который крепко держал ее за руку, и пара замедлилась лишь у дверей одной из комнат, раскрытых настежь.

Тори сразу узнала эту девушку, хоть никогда в лицо ее не видела. Стройная, черноволосая, с вызывающим ярким макияжем. Ее раскрытые губы были накрашены ярко-алой помадой, которая осталась нетронутой. Рядом с ее мертвым,

так похожим на фарфоровое кукольное, лицом лежала маска луны, потускневшая от чьих-то рук, которые, видимо, рвали и терзали ее в ярости.

На шее мертвой девушки, потускневшей и посеревшей, в неясном свете утра виднелись темные неряшливые пятна. Девушку задушили.

Эта была та самая девушка, с которой Крис вчера соби-
рался провести вечер. Та самая чаровница, которая двена-
дцать часов назад манила его к себе пальцем. Крис, похоже,
тоже ее узнал; он схватился за лицо, словно проверяя, на ме-
сте ли его полумаска, и нетерпеливо дернул Тори за руку,
увлекая ее прочь со страшного места.

- Быстрее, быстрее!

У самого входа он замешкался - видимо, расплачиваясь,
- и Тори вынырнула на улицу, обогнав его, глотая холодный
утренний воздух и на бегу сдирая маску.

Она растрепала волосы, до того связанные в косу, выкину-
ла яркую куртку в первый попавшийся мусорный бак, чтобы
смешаться с толпой, и чтобы Крис, выскочивший следом за
ней на улицу, уже не смог отыскать ее взглядом среди про-
хожих.

Одинаковые люди спешат с утра на работу. Одинаково се-
рые и одинаково озабоченные. И никто из них не помечен
золотой мишурой вчерашнего праздника и отвязной сексу-
альной ночи...

- Подожди!

Голос Криса прозвучал глухо, почти стертый утренним шумом улиц и сигналами автомобилей, и Тори лишь на миг обернулась, чтобы увидеть его - растерянного и расстроенного, с одержимым взглядом, - позади себя.

Это закон жанра, милый. Золушки всегда исчезают в самый неподходящий момент. Прости, что не оставила тебе туфельку, но у меня и тыквы-то нету.

**

Наивно было полагать, что можно так просто убежать, и никто ничего не узнает о том, что Крис Браун провел веселенькую ночь в злачном заведении города, не так ли? Но попытаться стоило.

Крис явился на съемочную площадку как обычно, к десяти утра, аккуратный, причесанный, спокойный. Таких ночей - с ошейниками и случайными девушками, - у него было, вероятно, не мало, и сегодняшняя отличалась лишь тем, что приятное послевкусие страстной встречи было испорчено убийством. Зачем и кому понадобилось убивать сабу? Приглашенную специально для него сабу, если хорошенько-то задуматься! Попался психопат вместо нормального клиента? Но девушка не была раздета. Она вообще была не тронута, и складывалось такое ощущение, что негодяй накинулся на нее как только она вошла в комнату, и просто убил ее.

Крис хмурился, задумчиво потирал губы, но в кадре это ему очень шло, и режиссер был доволен.

Тори же после бурной ночи чувствовала себя отнюдь не

так хорошо как Крис.

Ей казалось, что она попала между жерновами, и те перемололи, перекрутили ее всю, измяли и выронили на землю, чуть живую. Больше всего девушке хотелось спать, и она выполняла свои обязанности с явным трудом. К тому же, стоило ей глянуть на Криса, как все начинало у нее из рук валиться. Всплывали в памяти подробности их интимной встречи, странная нежность после, и стыд с возбуждением завладевали всем ее существом.

И собственная отвязность; Тори закрывала пылающее лицо руками, обмирая от одной только мысли, что Крис может ненароком глянуть на нее и узнать.

Но нет; рассматривая его невозмутимый профиль, Тори снова вспоминала его слова - «кто попало», - и сердце ее сжимала тоска. Ему и в голову не придет, кого он жаждал вчера так неистово. Она для него - кто попало, и едва ли он замечает ее вообще.

Однако, к обеду, когда и для Криса, и для Тори все произошедшее стало понемногу забываться, стираться, терять былую остроту и яркость, на съемочную площадку пожаловала полиция, и у Тори ноги подкосились, когда она расслышала обрывок фразы - «арестовать».

Они пришли за Крисом!

Глядя на растерянного режиссера, на потемневшее от гнева лицо Криса, Тори, не соображая что делает, рванула туда, к ним, бросив свои метлу и ведро.

Крис едва сдерживал себя от того, чтобы взорваться проклятиями, а режиссер - он не сдерживал себя нисколько. Он прост не мог произнести ни слова; в его яростных глазах читался немой упрек - я говорил, я предупреждал! Эти игры не доведут тебя до добра!

Однако, съемки было прекращать нельзя; просто невозможно! Потому что были проплачены огромные деньги, и режиссер не мог вот так запросто лишиться звезды. Он в ужасе терзал волосы, соображая, как бы выкрутиться из создавшейся ситуации, ведь день простоя - это просто огромная потеря.

- Послушайте, - говорил он, - послушайте! Это какое-то недоразумение! Кристиан Браун - это приличный, богатый человек! Зачем ему убивать какую-то девицу?

- Вероятно, он переусердствовал? - произнес полицейский, щурясь как сытый кот. - Не нужно отпираться... Кристиан Браун,- имя Криса полицейский произнес с нескрываемым пренебрежением. - Зачем честному человеку нужно было убегать с места преступления? М-м-м? Мы лишь слегка надавили на хозяина этого борделя, и оно тотчас же раскололся. В частности, он поведал нам, что погибшая - элитная проститутка, - полицейский разве что не смеялся в лицо Крису. - И услуги ее... весьма специфичны. Не каждый проведет с ней свой досуг; и приглашена она была специально для вас, за что вы заплатили немалую сумму. Ваши отпечатки пальцев, ваши следы...

- Я не трогал ее, - резко ответил Крис, игнорируя пошлые намеки полицейского. - Я был с другой девушкой.

- И она может это подтвердить? - хихикнул полицейский.
- Ну, где она? Где ее свидетельские показания? Их нет. А есть лишь вы, ваши деньги и труп. Так что давайте не будем спорить, а проедем в участок. В конце концов, за вас могут внести залог...

- Но это время! - взвыл режиссер, терзая волосы. - И вы себе не представляете, какие это деньги! И огласка... Черт! Вы себе представляете, что такое эта огласка?! Что это для репутации?!!

Полицейский пожал плечами:

- Что мне ваша репутация. Закон один для всех.

- У вас есть ордер?!

- А приличному человеку Крису Брауну обязательно предъявить ордер, чтобы тот прошел за представителем власти?

- То есть, ордера у вас нет?

Тори сама не узнала свой голос - такой он был чарующий, бесстыдный. Трое спорящих мужчин враз замолкли, обернувшись к девушке, которая танцующей походкой приблизилась к ним. Полицейский смерил ее презрительным взглядом, и фыркнул насмешливо, не посчитав нужным ответить. Он повернулся к Тори спиной, демонстрируя ей свое презрение, но она не отступала. Знакомое уже, отнюдь не наркотическое - да-да, теперь она знала это наверняка! - возбуж-

дение накатило на нее, и она, забывая даже удивляться собственной дерзости, чуть отодвинув потрясенного режиссера плечо, снова встала перед полицейским, шуря глаза точно так же, как он - насмешливо, почти издевательски.

- Ну, вы же хотели свидетеля? - полуутвердительно спросила она. - Вам нужны свидетельские показания? Так вот, с Крисом Брауном была я. Всю ночь. Могу под присягой показать, что он никуда не отлучался, - Тори усмехнулась, прихватив губу белоснежными зубами, - и желания убить постороннюю девушку у него не было.

На миг повисла такая тишина, что, казалось, потрескивает наэлектризованный воздух. Тори, смеясь, смотрела в перекошенное от гнева лицо полицейского - и боялась обернуться назад, посмотреть на Криса, который просто остолбенел от этого заявления. С одной стороны, Тори спасала его, и он, несомненно, был ей за это благодарен, но с другой стороны...

«Кто попало!»

Девушка спиной ощущала его немое возмущение, его бесильную ярость, его иступление. Вот ее сейчас, наверное, он готов придавить за то, что осмелилась сказать - «я с ним была»...

«Поцелуй меня в зад, Крис, милый, - отчаянно и с веселой злостью подумала Тори, изучая нервно дергающееся лицо полицейского. - Тем более, что у тебя это неплохо получается. В убийстве ты не виноват, черт с тобой... но таким гадким чистоплюем быть нельзя! Провались ты в ад, высоко-

мерный ублюдок! Ночью ты трахался с кем попало, милый, и с большим удовольствием! Что, съел?»

- Сколько тебе заплатят эти джентльмены за эту ложь, девочка? - тихо произнес полицейский, наконец. - Сколько? Нет, я понимаю тебя, - он оживился, переведя взгляд на возмущенного Криса, который, казалось, вот-вот взорвется. - Ты наверняка из ряда его поклонниц. Я понимаю твои чувства. Ты не веришь, что твой кумир, твой идеал способен на такое, и это лишь делает тебе честь, но посмотри на него хорошенько. Он сам не верит в твои слова.

- Это потому, - посмеиваясь, ответила Тори, - что на мне была маска.

- Маска! - задумчиво протянул полицейский. - А ты в курсе, что любовь твоего кумира... слегка специфична?

- Конечно, - глаза Тори смеялись. - Желаете взглянуть?

Не дожидаясь ответа, она повернулась к Крису лицом, спиной к полицейскому. Все так же нахально глядя в глаза взбешенного Криса, Тори неспешно расстегнула серую форменную куртку, бесстыдно стащила ее с плеч, ничуть не смущаясь своей наготы перед Крисом. Черт подери, эту грудь он целовал тысячу раз, в конце концов! Остренькое плечико с багровым кровоподтеком выскользнуло из-под серой ткани, Тори, чуть улыбнувшись, продемонстрировала его потрясенному Крису, и выгнула спину, показывая отметины на спине.

- Я была с Крисом Брауном, - тихо, нахально и упрямо повторила Тори, глядя в изумленное лицо Криса, остолбе-

невшего от этого внезапного знакомства. - Есть еще у вас вопросы, офицер?

В глазах Криса - космос и ад.

Он смотрит на Тори, словно видит ее в первый раз - и будто знает ее всю свою жизнь. Ярость в его взгляде сначала пылает, а потом сменяется узнаванием и еще большим изумлением, но гнев будто бы гаснет, остывает, кровь отливает от покрасневших щек, и Крис становится неподвижным, холодным, спокойным, будто упрятывается в непроницаемую скорлупу.

«Да, смотри, да, узнавай! Ты был со мной! Узнаешь? Ты не сможешь отказаться, нет, не сможешь! Ты сможешь солгать им, но себе самому нет, не сможешь! Ты будешь знать, ты уже знаешь - мы были вместе!»

Кровоподтек, оставшийся на белоснежном плече Тори, был чудовищным, огромным и багровым. Вызывающе глядя в глаза Крису, придерживая униформу, чтобы та не сползла с ее тела, Тори и не спешила прикрыть грудь, позволяя мужчине в свете дня как следует рассмотреть ее, пересчитать родинки на коже, те самые, которых он касался губами, найти места, где поцелуи были чересчур крепкими.

«Ну что? - думала Тори, глядя, как в его глазах медленно исчезает, гаснет изумление, сменяясь странным покоем. - Осмелишься признаться, что спал с «ником»? Конечно, осмелишься. Иначе тебя арестуют. Давай, говори! Я хочу услышать это! Я хочу услышать, как ты скажешь это!»

Эта мысль была невыносимо горькой, тяжелой. Девушка понимала, что заставляет Криса признаться, при всех сказать, крикнуть на весь мир - эй, слушайте! Я был с ней! Я любил ее! Я ее целовал! И похмелье после этой эйфории будет очень тяжелым горьким, но Тори ощутила приступ какого-то невероятного упрямства. Наверное, больше, чем спасти Криса, она сейчас хотела уязвить его, точно так же, как он в свое время ранил ее самолюбие, презрительно назвав никем.

Крис протянул к девушке руку и самыми кончиками пальцев коснулся израненной покрасневшей кожи, будто лаская и любуясь, повторил контур багрового пятна. Его прикосновение было таким откровенным и смелым, что Тори стучалась и едва удержала себя от того, чтобы стыдливо запахнуть в куртку. Ей показалось, что он сейчас коснется ее груди, жарко и страстно, но он не сделал этого.

В глазах Криса - космос и ад.

Тори боится; все ее тело бьет крупная дрожь, потому что она до смерти боится Криса, боится того, что он закричит на нее, или того хуже - замкнувшись в ледяном спокойствии, безразлично оттолкнет от себя, посмотрев с еще большим презрением. Но иначе она не может.

«Ты попачкался об меня, об уборщицу, Кристиан Браун!» - злорадно подытоживает Тори.

- Да, мы были вместе, - тихо подтвердил он, опуская руку и неотрывно глядя в дерзкие, колющие глаза Тори. - Она

была в маске, в золотой венецианской маске. У нее на спине должен быть след от плети, от левого плеча до правого бока. Вот отсюда.

Его ладонь легла на обнаженное плечо девушки, пальцы безошибочно нашли начало красной нити на коже, и Тори чуть поморщилась, когда Крис провел по ней пальцами, то ли лаская, то ли припоминая сладкие моменты. Теперь он смотрел на девушку прямо, покойно, не тушуясь, принимая и не отказываясь от нее, рассматривая, пожалуй, с интересом и без паники, без исступленной неприязни.

Этого было чересчур для полицейского, который не рассчитывал ни получить доказательства невиновности Криса, ни присутствовать при откровенной бессовестной сцене, и он не знает, куда деть глаза от неловкости.

- Извращенцы! - с отвращением ворчит он, сгорая от стыда. Ему кажется, что он влез в чужую постель, носом уткнулся в чужую дрыгающуюся задницу, и ему непереносимо стыдно.

Полицейский, едва ли не плюнув от омерзения, спешно направился к выходу, и режиссер, хмыкнув и одарив обоих любовников убийственным взглядом, кинулся вслед за ним, намереваясь показать где выход, и оставляя Тори и Криса одних.

Вот теперь стыд накатил на Тори тяжелой волной, она спешно запахнулась в свою серую униформу, нервными пальцами спешно застегивая ее.

- Что ты смотришь? - нервно выкрикнула она, стгорая от стыда под немигающим взглядом Криса. Ей казалось, что сейчас он засмеется, произнесет что-то грязное, гадкое, отталкивающее. - Ну да, это была я! Смешно? Девчонка с метелкой осмелилась приблизиться к тебе и прыгнуть в твою чистенькую постельку...

Ее горло перехватил нервный спазм, она не смогла продолжать.

- Ты не ответила мне, - медленно произнес Крис, с интересом рассматривая ее с головы до ног, особенно внимательно рассматривая ее голые коленки, ее бедра, обтянутые серыми штанишками. - Мы встретимся еще?

Тори расхохоталась, стягивая на груди серую униформу.

- Что?! - сквозь смех выдавила она. - Что?! Ты издеваешься?!

- Тебе же понравилось, - произнес Крис с напором, и истерика накрыла Тори с головой.

- Понравилось?! - выкрикнула она с хохотом, чувствуя, как по разгоряченным щекам ползут злые слезы. - Понравилось?! А тебе? Тебе понравилось? С уборщицей? С никем? Я слышала, - выкрикнула она ему в лицо, - ты назвал меня никем! Тебе же так неприятно было работать со мной! Я же никто! Кто попало! Я никто для тебя! Так что не надо притвориться, Крис!

Крис переменялся в лице, нахмурился, упрямо опустил подбородок, исподлобья глядя на девушку.

- Прекрати истерику, - медленно и зло произнес он.

- Что такое? - все тем же неприятным голосом, заливаясь хохотом, продолжала Тори, отступая от Криса на подгибающихся, дрожащих ногах. - Хорошая мина при плохой игре! Представляешь, какие слухи и сплетни сейчас пойдут?! Крис Браун - и кто?! Никто!

- Успокойся! - рывкнул Крис, сделав шаг по направлению к девушке, и Тори отпрыгнула от него, но наткнулась на холодную стену, и Крис тотчас же настиг ее.

- Никто! - с яростью и ненавистью выплюнула Тори в его красивое лицо, в его плотно сжатые губы, в чуть подрагивающие ноздри. - Ты спал со мной, высокомерный ублюдок! Ты был!..

- Успокойся, истеричка!

Его пальцы сжали ее горло, как тугий ошейник, и Тори, распластанная на стене, вдруг сообразила, что Крис страстно прижимается к ней всем телом, и его ладонь жадно оглаживает ее задницу. С желанием. Это не плохая мина; это живое и жаркое желание. Настоящее. Неподдельное.

- Тише, тише, - шептал Крис в самые ее задыхающиеся губы, все так же удерживая Тори за горло. Странно, но даже легкое прикосновение возымело на нее волшебное действие, и она покорно замолчала, изумленно глядя на его... и в ее глазах снова застыло то же самое умоляющее выражение, от которого хотелось скулить уже ему, до трясучки, до возбуждения, до стояка, от которого больно и нестерпимо жжет в

ййцах. От невозможности содрать с девчонки комбинезон, поставить кверху задницей и жестко оттрахать - до ее живот-ных стонов, до крика, до трясущихся сжатых ног!..

- Прекрати кричать, - словно гипнотизируя Тори, произ-нес Крис, заглядывая в ее чистые, светлые зеленые глаза. - Глупая, самонадеянная девчонка! За это я высеку тебя! Я исплосу тебе всю задницу и отымею так, что неделю сидеть не сможешь!

- Я!.. - яростно выкрикнула Тори, но Крис чуть сжал паль-цы, чуть придушивая ее кольцом из пальцев, словно натянул поводок, прикрепленный к воображаемому ошейнику, и она снова покорно смолкла, раскрыв манящий сладкий рот. На-столько сладкий, что невозможно отказать себе в удоволь-ствии запустить туда язык, обласкать девчонку до тонкого скулежа, до жаркого влажного запаха у нее меж ног, до от-кровенно трясущихся бедер.

- Дура, - грубо выдохнул Крис, насилу оторвавшись от ее исцелованных и искусанных губ, уже не контролируя себя и прихватывая ее между ног рукой - требовательно, властно, насильно. - Конечно, ты никто. В моей профессии - ты ни-кто, дорогуша, смирись с этим. Ты ничерта не умеешь, и мне пришлось порядком потрудиться, чтоб мы с тобой выгляде-ли живо на снимках. Ты думаешь, это легко, а? Думаешь, это просто? Я об этом говорил! И Оливия - даже обдолбанная, - лучше тебя в плане работы, потому что она профессионал! Она знает, как это все делать, в отличие от тебя! Вот о чем

я говорил. Так что прежде, чем обижаться на весь мир, надо понять, о чем я.. Так что... ты не ответила мне... встретимся еще?

Его рука требовательно ласкала Тори между ног, сжимая чуть влажную грубую ткань комбинезона, и девушка, поскучивая, вытягивалась в струнку, шумно дыша в его губы. В глазах Криса снова промелькнуло что-то страшное, хищное, животное, он снова сжал пальцы, имитирующие ошейник, с наслаждением наблюдая, как в глазах Тори разливается совершенно пьяное, умоляющее выражение наслаждения.

- Ты не ответила мне, - с напором произнес Крис, чуть прихватив зубами мягкую губку, завладевая ртом шумно дышащей девушки и снова целуя ее так, что под его пальцами, массирующими девушку меж ног, стало заметно мокро.
- Еще раз... мы встретимся еще хоть раз?

Его пальцы, лежащие на ее горле, соскользнули вниз, на ее грудь, и Тори поняла, что он позволяет ей говорить. Снова она подчиняется правилам той странной игры, которую он навязывает ей.

- Мы - встретимся - еще - раз? - четко и отдельно произнес он, и Тори, глядя затуманенными глазами в его, непроглядные и черные, выдохнула:

- Да пошел ты, Крис Браун, в задницу!

Глава 4. Неприятная тайна № 1

Уборщица - это не звезда, это не Крис Браун и даже не спивающаяся Оливия Риверхорс.

После объяснений с Крисом Тори в истерике сбежала со студии, и никто не остановил ее. И Крис - тоже. Он просто смотрел ей вслед, смотрел, как она убегает, утирая катящиеся градом слезы. И режиссер тоже ее не остановил. Никто.

И это было к лучшему; ей нужно было побыть одной и переварить, передумать и пережить все, что с ней случилось. Убегая, Тори заметила, как Крис удержал кого-то, кинувшегося вслед за ней, остановил кратким жестом руки - мол, пусть бежит, - и это было очень правильно. Так и надо.

Дома ждал покой, полумрак и одиночество - то, что нужно, чтобы залечить раны, и душевные, и физические. Стащив ненавистную форму, отмывшись дочиста от поцелуев, боли и воспоминаний. Растерзав и разодрав в ярости фото, вырезки из журналов с красивым улыбающимся лицом Криса, выгнав из комнаты дым в распахнутое окно, натянув чистую веселенькую футболку, Тори с ногами влезла на старое кресло, прижалась к плюшевой спинке щекой, как прижимаются к груди родного человека, готового выслушать.

Черт, почему оно все так обернулось? Почему ее любовь - восторженная, пылкая, наивная и романтическая, - обернулась вот этим всем?! Тори утыкалась лицом в вытертую обивку и

ревела, понимая, что ее любовь не выдержала столкновения с реальностью.

- Дура, дура, - шептала она, давясь слезами, - влюбилась в картинку, выдумала себе гладкий образ, а он совсем не такой! Я его совсем не знаю, он другой!.. А я таскалась за ним, черт подери, я убирала и мыла полы, лишь бы только быть с ним рядом, и все зачем?!

Она не знала; она не понимала, почему сердится на Криса. То ли потому, что он оказался другим, совсем незнакомым ей человеком, и не стал потакать ее наивным, полудетским фантазиям и желаниям, не помчался за ней, убегающей в слезах и истерике, не ввязался с ней при всех в бурные выяснения отношений, не удержал силой... То ли оттого, что она сама оказалась другой, не такой, какой сама о себе думала. Дерзость - в ней была странная дерзость, которая пугала ее и шокировала Криса, и Тори не знала, как он к этому относится на самом деле. Принимает ли он эту дерзость за распущенность, за легкую доступность? Или понимает, что это всего лишь плод нервного напряжения, своеобразный ответ на стресс?

К черту, не думать об этом, не то можно со стыда сгореть!
И хуже всего то, что это бесстыдство, эту развратную смелость в ней, в Тори, разбудил Крис. Его близость. Его кажущаяся доступность. Она прикоснулась к нему - и тотчас подседа на этот наркотик, называющийся Крисом Брауном, подседа так, что теперь ее трясет, подседа так, что готова сде-

лать все, чтобы получить его снова. Даже вытерпеть боль и его, Криса, пугающую хищную жажду причинять эту самую боль... И даже наслаждаться этой болью готова.

И от этого она рыдала еще горше.

«Ничего, - думала Тори, убаюкивая себя, охватывая свои плечи руками, чтобы в этом жесте найти утешение. - Ничего-о... Этот урок не пройдет даром. Это все к лучшему. Пора взрослеть! Нужно взять себя в руки и наконец-то наладить свою жизнь. Черт подери, я больше никогда не буду бегать за ним тенью, с половой тряпкой в руках! Как же это унижительно и глупо, как глупо... Не пойду завтра в студию. Уволюсь и найду себе работу по специальности; перееду. Я все изменю и начну все сначала, не витая в облаках! Я больше никогда не увижу этого чертова Криса Брауна и не свяжусь с ним и с его порочной страстью...»

Решение было принято, слезы выплаканы и выпито неисчислимое количество чашек чая с мятой. Тори в этом странном, подвешенном состоянии просуществовала неделю, погруженная в свои мысли. Она машинально собирала и упаковывала вещи, перебирала учебники, книги, стараясь вспомнить то, чему несколько лет училась, прикидывала, куда пойти в первую очередь, где искать подходящую вакансию.

Из этого странного, неживого состояния ее вырвал телефонный звонок. Помешивая ложечкой чашку с кофе, на дне которой кружились крупинки сахара, она с удивлением смотрела на незнакомый номер и думала, кто же это может

звонить ей из той, из прошлой жизни, из которой она хочет убежать.

- Слушаю, - произнесла она - и сама удивилась, как спокойно и размеренно прозвучал ее голос.

- Тори, крошка, доброе утро, - голос режиссера, человека из того самого прошлого, которое Тори так сильно хотела забыть, ласковым ручейком зажурчал в трубке. - Как ты? Успокоилась, пришла в себя? Вот и славно, вот и умница. Сможешь сегодня подъехать на студию часикам к двум?

От неожиданности Тори поперхнулась кофе и закашлялась.

- Зачем? - проговорила она, откашлявшись. - То есть... да, я как раз хотела приехать, получить расчет. Я увольняюсь.

- Нет-нет-нет, милая, - поспешно заворковал Режиссер. - Ты поняла меня неверно! То есть, конечно, свои прошлые обязанности ты, конечно, выполнять не будешь, но кое-какую работу надо закончить, Тори.

- Работу? - удивилась девушка, не понимая, куда тот клонит. - Какую работу?

- Наш проект, Тори, - мягко произнес режиссер, но девушка, хорошо знавшая цену мягкости в этом голосе, невольно напряглась. - Съемки, Тори. Проект стоит. Крис Браун выплатил неустойку вчера, черт...

Было слышно как режиссер, нервничая, чиркает зажигалкой, прикуривает сигарету и злобно матерится. Он не был таким уж хорошим актером, и выдержкой Криса не обладал,

поэтому раскололся сразу же.

- Черт бы побрал этого Криса Брауна, - свирепо прорычал он после почти минутной паузы, в течение которой Тори, не дыша, выслушивала его нецензурную брань, - с его чертовыми любовницами, с его женщинами, с его потаскухами и скелетами в шкафах! Черт бы вас всех подрал, девочка! Я по уши сыт вашими приключениями, неприятностями и отношениями, слышишь?! По уши! Но чертов Крис Браун отказался сниматься с Оливией Риверхорс. Отказался.

- Я тут причем? - меланхолично произнесла Тори, поражаясь тому, как искусно притворяется. Сердце ее готово было выпрыгнуть из груди, потому что она словно наяву увидела перед собой взгляд Криса - внимательный, пронзительный и пугающий, - и кожей почувствовала его упрямое желание. Хочу - так он сказал и сделал все, чтобы ему вернули ее, Тори. Терпеливо сидя в кресле с надписью «звезда», покуривая сигару и покачивая носком блестящего ботинка. Он еще и деньги заплатил! Кинул пачку денег, заставив всех вокруг него суетиться, отыскивать ее, Тори, и вернуть... вернуть ему.

- Это ваши трудности, - так же спокойно продолжила Тори, - что там отказался делать Крис.

- Нет, девочка, - тихо и зло ответил режиссер. - Теперь это и *твои трудности*, что *хочет делать* Крис Браун. Он сказал, что будет сниматься только с тобой - а этот проект стоит таких денег, что заказчик наймет детективов, банди-

тов, ниндзя, черт подери, но они тебя достанут из-под земли и привезут на студию! Детка, он отвалил за твой отдых столько денег, в конце концов, что на твоём месте я был бы элементарно благодарен за это! Черт!..

- Я не собираюсь потакать его капризам, - голос Тори окреп, она почти кричала в трубку, яростно и с ненавистью, - за жалкие подачки, ясно вам?! Никто не просил его делать это! Это его прихоть!

- Прекрати торговаться, - зашипел злой режиссер, - прекрати! Какие подачки?! Чертов извращенец, этот чертов Крис Браун выбил тебе контракт. Не обольщайся, ты не звезда первой величины, но и бесплатно ты работать не будешь.

- Что?.. - не поверила свои ушам Тори. - Контракт?!..

- Контракт! - передразнил режиссер. Раздражение и злость лезли из него, как лава из извергающегося вулкана. - Черт бы драл всех его протеже!.. Кто бы знал, как я устал от Оливий, Тори, прочих девочек, на которых он засматривается!..

Тори молча слушала, как он изрыгает проклятья, и лихорадочно соображала.

Мерзавец, расчетливый мерзавец Крис! Холодная, хитрая сволочь, слышащая только желания своей плоти! Тори отказала ему, четко обозначив причину, непреодолимое, казалось бы, препятствие: она никто. И Крис, пожав плечами, устранил его. Вот так запросто - раз, и нет. Подманил пальцем ее поближе, поблескивая внимательными темными гла-

зами. И Тори знала, зачем он ее подманивает. От понимания того, что именно нужно Крису от нее пересохло во рту, уши наполнились звоном, так, что на несколько секунд ругательства режиссера были не слышны.

Контракт, вместо Оливии...

«То есть, наглец, ты мне еще и деньги предлагаешь, чтоб я спала с тобой!? Чтоб терпела твои укусы и залечивала синяки?!» - возмущенная, подумала Тори. Внутри нее все кипело от злости, и она хотела послать к чертям режиссера с его претензиями, контрактом и руганью.

Но тот вдруг снова заговорил приторно-сладким голосом, и Тори поняла, что сейчас Крис стоит рядом с ним и молча слушает то, что она ответит. Затаившись, выжидает. У нее мурашки пробежали по спине, так остро и ярко она почувствовала упрямство Криса и его бульдожью хватку. Он расставил сеть, силоч, в котором она должна была запутаться, и пришел лично убедиться, что его вожаделенная жертва поймана. Нет - он пошлет людей, и ее приволокут к нему, под самым благовидным предлогом.

И в этой неумолимой жажде, в этом молчаливом иступленном желании поймать ее, завлечь и подчинить себе было столько тяжелой силы, что Тори, чуя ее на расстоянии, угадывая ее, внезапно спасовала.

- Так ты приедешь?! - кричал режиссер, выходя из себя.

- Да, - шепнула Тори, вся дрожа от непонятной ей самой странной, гипнотизирующей власти Криса над нею.

Контракт был составлен наилучшим образом, без подводных и подводных камней, и Тори, читая его, поняла, что над ним поработали юристы Криса, и это была не работа одного дня. Нет; очень легко представился ей Крис, набирающий номер юриста и велящий составить эти бумаги сразу после ее побега со студии. Крис дал ей убежать, да; но лишь затем, чтобы у нее было время успокоиться, а у него - сделать все, что он хочет. В частности, составить контракт, которым она была бы привязана к студии прочнее, чем веревкой. Это означало лишь то, что он не отпускал Тори ни на миг - ни из своих мыслей, ни из своих желаний, ни из своей жизни.

- Подписывай, подписывай! - нетерпеливо торопил Тори режиссер. - И за работу! Хватит уже прохлаждаться!

Тори замерла, нерешительно прикасаясь к бумагам.

Если она это подпишет... черт подери, ей придется снова надеть модельные вещи, задрать повыше юбку и усестся Крису на колени, а он только этого и хочет! У девушки сердце в груди замерло от одной только мысли, что его ладони снова коснутся ее тела. Ее рука с авторучкой нерешительно замерла на строке, где надлежало ставить роспись, и девушка уже было вывела на бумаге первую буквы своего имени, как вдруг за дверям раздался шум, грохот, словно кто-то споткнулся и упал, навалившись на двери.

- Пустите! - в верещащей за стеной женщине Тори узнала Оливию, да та и сама вскоре ввалилась в кабинет, кое-как

справившись с дверной ручкой, которая никак не желала поворачиваться в ее неловких руках.

Оливия выглядела еще более удручающе, чем в первый раз. Волосы ее были начёсаны, наверное, неделю, лицо от постоянных возлияний отекло и походило на восковую маску. Одежда измята и испачкана, будто Оливия некоторое время спала прямо на полу. Некогда роскошная меховая шубка как-то неряшливо сползала с обнаженных плеч, словно растянувшаяся, засаленная вязаная кофта, мех потускнел и выглядел редким, побитым молью. При каждом ее движении по комнате распространялась тяжелая удушливая волна перегара и пота, да такая мощная, что Тори едва не вытошнило.

- Сучка! - выпалила Оливия, покачиваясь на нетвердых ногах. Ее отекавшее лицо страдальчески скривилось, из глаз градом хлынули слезы. - Это все из-за тебя!.. Он из-за тебя меня отверг!

Оливия махнула рукой, и зажатая в ее кулаке бутылка с виски зазвенела остатками алкоголя, и режиссер заступил, закрыл собой Тори.

- Пошла вон! - рявкнул он, заметно волнуясь, переживая, что Тори, которую с таким трудом удалось уговорить, сейчас сорвется и убежит прочь. - Кто тебе виноват?! Посмотри на себя!

- Я не пила! - задушенным, трагическим пьяным голосом прошептала Оливия, стукнув себя кулаком в грудь и глядя в глаза мужчине с поистине вселенской скорбью во взгляде.

- Боб, ты же знаешь - я три дня не пила! Я была как стеклышко, я была готова работать, а он меня отверг! Он не захотел меня, Боб! Потому что у него появилась эта подстилка, - Оливия махнула слабой рукой в сторону онемевшей от ужаса Тори и расхохоталась, но в голосе ее зазвенели слезы.

- Свежая, с упругой задницей, вертихвостка! Он уже трахал тебя, а? Ты знаешь, как он это делает, крошка? Ты знаешь, как он метит своих женщин? Как животных! Как принадлежащих ему животных, как породистых сук! Своим личным клеймом!

- Заткнись! - прорычал режиссер, налетая на Оливию. Он обхватил ее за плечи и принялся выталкивать прочь, но она оказалась очень ловкой и сильной, даже с учетом ее состояния.

- Не рассчитывай на то, что он умеет любить! - орала Оливия, изо всех сил упираясь руками в косяки, не позволяя себя вытолкнуть. - Он умеет только хотеть и брать! Понятно?! И тебя он возьмет и сломает! Ты не выдержишь, ты не сможешь противостоять ему! Он использует тебя и выкинет, когда ты ему надоешь, ясно?! Он привык брать то, что ему нужно, а потом выкидывать, выкидывать!

- Пошла вон, пьянь!

Тори, потрясенная, молчала; теперь картинка складывалась, и кое-что из поступков Криса становилось понятным и логичным.

Оливия буквально орала о том, что когда-то они с Крисом

были близки; любовниками, не только партнерами по общему делу. Это было ясно по тому, с какой одержимостью теперь эта спившаяся, опустившаяся женщина - когда-то красивая, богатая и знаменитая, - пытается снова привлечь его внимание. Она тосковала по нему; она скучала по его любви, по его ласкам, от которых теперь предостерегала Тори, она хотела его тело и ревновала - до лающих, сухих, как ее мертвая душа, рыданий ревновала Криса к его новой симпатии.

Видимо, и ей Крис причинял боль; и ее хлестал по обнаженным бокам и кусал в плечо - увидев, как Тори коснулась внезапно заболевшего места, Оливия пронзительно вскрикнула и забилась в истерике, упираясь всеми конечностями. Этого жеста было достаточно, чтоб она поняла - Крис пометил Тори как свою женщину, пометил ее своей страстью и болью. Самое страшное предчувствие Оливии сбылось - Крис нашел себе новую возлюбленную, все его внимание было устремлено к ней, и у Оливии не было больше ни единого шанса.

«Он сломает тебя, ты не выдержишь!»

В ужасе Тори перебирала в мыслях эти истерично выкрикнутые слова. Тебя, Оливия, он сломал? Подчинил своей воле, уничтожил личность, иссек ее, иссушил своей страшной страстью? Вероятно, Крис этого не хотел; может быть, чувствовал вину перед бывшей любовницей, сломанной им, спившейся и опустившейся. Поэтому он указал именно на нее, взяв ее в дорогой модный проект. Хотел помочь; хоть

чем-то. Но изломанная Оливия не смогла, не нашла в себе сил взять себя в руки...

Все это пронеслось в голове Тори, казалось бы, в один миг, но когда она вышла из ступора, в дверях стоял Крис. Он был абсолютно спокоен, он молчал, сунув руки в карманы брюк, и смотрел на Оливию сверху вниз. И этого спокойного взгляда было достаточно, чтобы заставить ее замолчать.

- Поди прочь, - тихо велел он.- Я же сказал - дважды я предлагать не стану. Ты свой шанс упустила. Уходи.

Режиссер, пользуясь тем, что женщина замолчала, подхватил ее под локоть и вытащил из кабинета - Крис чуть отступил в сторону, дав им дорогу, и Тори подскочила на ноги, ощущая, как пылают ее щеки.

Она впервые видела Криса после их размолвки, и сейчас ощущала странное чувство, смесь животного страха перед ним и такого же невероятного, иррационального влечения. Он смотрел на нее спокойно и внимательно, изучая черты ее лица, подмечая и тени, залегшие под глазами, и порядком выцветший синяк, видный в чересчур широком вырезе на блузке.

- Она была твоей любовницей? - дерзко спросила Тори.

Эта информация нигде не афишировалась, Крис не торговал информацией о своей личной жизни, и потому его связь с этой женщиной, некогда красивой, а теперь опустившейся и спившейся, здорово шокировала. Особенно - с учетом того, что она из-за него стала такой.

Тори ожидала чего угодно - лжи, упрямого молчания, - но Крис не стал лгать. Легко пожав плечами, он спокойно кивнул, все так же прямо глядя в лицо девушке.

- Да, - ответил он прямо. - Мы были любовниками. Именно так, как ты думаешь. Она была моей сабой. Это что-то меняет? Ты боишься? Боишься меня? Или боишься не справиться?

Крис нарочно задает этот вопрос. Он нарочно произносит слово «боишься» будничным серым голосом, таким, каким говорят о каких-то незначительных, жалких вещах.

И о ней, о Тори.

Девушка вспыхивает вмиг, забывая и свое нежелание прикасаться к Крису и контактировать с ним, и слова Оливии. Они растворяются в гневе и адском упрямстве, и она ставит свою подпись одним лихим, дерзким росчерком, яростно вlepив в конце точку, протыкая бумажные листы.

- Нет! - рявкнула она в спокойное лицо Криса, вlepив ему свой подписанный контракт в грудь.

Глава 5. Золотая сессия

Крис спокойно собрал едав не рассыпавшиеся бумаги и сложил их аккуратной стопочкой.

Он вообще был спокоен до неподвижности, и Тори с запозданием поняла, что, вероятно, он очень доволен результатами. Он добился того, чего хотел, своей поставленной задачи-минимум, и смысла злиться и нервничать у него не было. Он подманил, подтянул ее к себе, в зону досягаемости, принудил ее снова контактировать с ним - для первого шага это было очень неплохо.

- Объяснимся? - агрессивно предложила Тори. Крис так же спокойно пожал плечами, и Тори снова на миг стало страшно от его невозмутимого спокойствия.

«Черт, на что он рассчитывает? После откровений Оливии, после его поведения... Он что, думает, что найдетсся девушка в своем уме, которая согласится на его ухаживания? На его укусы? Чтобы потом превратиться в такое же ничтожество, так же, как Олив?...»

- Непременно объяснимся, - ответил он. - Я очень хочу, чтобы между нами не было непонимания и недосказанности, ведь у нас... особые отношения.

Его голос интимно понизился, и Тори гневно вспыхнула.

- Нет у нас никаких отношений! - выкрикнула она. - Я хочу, чтоб ты зарубил себе это на своем длинном носу, Крис

Браун! Не было, нет, да и не будет. Понятно тебе!?

Крис, изобразив на своем красивом лице скучающее безразличие, глянул в потолок.

- Ты хорошо подумала? - произнес он небрежно. - Контракт с тобой подписан, это верно. Но никто не говорит, что его с тобой продлят. Это деньги, это большие деньги; ты быстро почувствуешь их вкус. Ты уверена, что сможешь отказаться от них, лишь бы только не видеть моей физиономии? Одно лишь мое слово, и ты снова окажешься там, откуда только что приехала.

- О-о-о, да ты купить меня решил?! - расхохоталась Тори. - Думаешь, за деньги я с тобой соглашусь? Так можно эти бумаги разорвать сейчас! Ни за какие деньги, ни за что, я с тобой!..

Она кинулась на Крису, но тот поднял руку с зажатыми в ней бумагами высоко над головой, и Тори отступила, сообщив, что не достанет до них. Вот же черт...

- Умница, - произнес Крис, - ответ правильный. Я ждал его. Я верю тебе, что ты со мной не из-за денег. Впрочем, можно было и не спрашивать. Это было видно в твоих глазах. Я не понял, кто ты, но видел, что ты меня узнала, и там, в клубе, хотела только меня.

- Больше не хочу!

- Отчего? Мне показалось, что тебе понравилось. Не сразу, но понравилось. Ты новичок, ты еще не знаешь, чего может захотеть твое тело, но этому быстро учатся. Оливия? Те-

бя смущает Оливия? Но ведь у каждого есть прошлое. Отношения. Она - часть моего прошлого. Только и всего.

- Но не каждый ломает и использует человека так!..

- Как? - выдохнул Крис, оказываясь рядом с Тори так близко, что его аромат окутывает ее, и она снова слышит отголоски безумной страстной ночи. - Ну, как? Говори. Спрашивай. Я отвечу. Я не хочу, чтоб ты меня боялась. Не нужно делать из меня монстра.

Он стоит над маленькой взъерошенной Тори, огромный и сильный, не касается ее руками, и это тоже - пытка. Теперь Тори отчего-то очень хочет, чтоб он ее коснулся, запустил руки в волосы, но Крис словно нарочно сует руки в карманы и смотрит в ее яростные глаза спокойно и холодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.